

Летом уровень воды в реке поднялся, а электрические столбы у берега несколько устарели. Поскольку они находились в отдаленном районе, это не повлияло на внешний вид города и не входило в муниципальный план благоустройства.

Столбы были в аварийном состоянии и имели трещины на дне, а теперь, когда они были пропитаны водой, на них появились признаки расшатывания.

Скорая помощь прибыла вскоре после этого, и Чэнь Чжуй был доставлен на носилках в машину скорой помощи, где ему сделали капельницу. Ся Циншу сидел на скамейке, которая находилась по обеим сторонам машины скорой помощи. Его глаза опустились, когда он увидел Чэнь Чжуйя, лежащего на носилках. Его нога была перевязана, чтобы остановить кровотечение, и белое одеяло, укрывавшее их, выглядело не так уж плохо.

Лицо у него было бледное, и он лежал бессильно, но вид у него был болезненно красивый. В процессе вытягивания Ся Циншу с его рубашки отвалились две пуговицы, и он одной рукой неловко застегнул ее до верхней и снова заправил подол рубашки в брюки.

У Ся Циншу не хватило духу восхититься его бледным лицом, красивым белым лицом, сморщенным в комок, его голос дрожал, не передать словами: «Брат Чжуй... тебе все еще больно?..... Пусть медсестра сделает тебе укол, если будет больно».

Он почувствовал легкий зуд на лице и потянулся, чтобы прикоснуться к нему; его щеки были мокрыми.

Блестяще-белое и полупрозрачное личико как будто промокло под струей воды, блестя от избытка влаги. Почему он плакал?

К тому времени, как Ся Циншу задним числом понял, что слезы больше нельзя сдерживать, он упрямо сдерживал слезы, его красивые глаза были затуманены. Его губы были укушены зубами, наполовину красные, наполовину белые, такими яркими и дрожащими.

«Это не больно».

Тело Чэнь Чжуйя замерло; казалось, что он уже видел эту сцену где-то раньше...

Нога определенно болела; Чэнь Чжуй догадался, что это мог быть перелом. Самым легким состоянием был стабильный перелом кости. Но не зная, что происходит, он не мог кричать от боли перед Ся Циншу. Еще меньше он мог получить выстрел перед собой. Даже если он сломал ногу, он все равно был тем же Чэнь Чжуйем, который оставался неизменным даже перед горой Тай, рухнувшей перед ним.

Чэнь Чжуй тайно глубоко вздохнул и сказал с вежливым выражением лица: «Я в порядке, пусть секретарь Ли отвезет тебя домой».

«Я не уеду; Я дождусь, когда тебе сделают операцию». Глаза Ся Циншу слезились, а руки были крепко сжаты.

— Нет, я действительно в порядке.

«После твоей операции, если что-то случится посреди ночи, я также могу позаботиться о тебя если буду рядом».

Хотя Ся Циншу был хорош собой, обычно он был заикающимся и глупым, как ребенок, который еще не вырос и мог говорить так, что это могло вывести людей из себя. Теперь, когда что-то идет не так, он, кажется, вырос за одну ночь и все понимает.

Невероятно мило.

Его голос был мягким, как чистый ручей, а лицо было необычайно решительным, несмотря на его послушный вид: «Брат Чжиюй, мне все еще нужно зажечь твою сигарету».

Выражение его лица было как у упрямой хорошенькой козочки. Один взгляд на него вызывал у людей желание забрать его домой и тайно спрятать подальше. У Чэнь Чжиюя тоже были такие мысли.

«Брат Чжиюй, ты сейчас хочешь курить? Я зажгу ее для тебя».

Ся Циншу неуклюже достал из кармана брюк Чэнь Чжиюя пачку сигарет. Возможно, из-за того, что он слишком нервничал и боялся дотронуться до раны другого мужчины, портсигар вытащили. Она была сжата им до нелепости плоской, он успел вытащить из нее сигарету, и она сломалась.

«Брат Чжиюй, прости, тебе придется смириться с этим. Я куплю тебе новую упаковку, когда мы доберемся до больницы позже». Ся Циншу сжал половину сигареты и засунул ее в рот Чэнь Чжиюя.

Чэнь Чжиюй открыл рот и, держа сигарету в руке, внезапно укусил Ся Циншу за палец. Нефритовые луковичные пальцы были мягкими, бескостными и пахли молоком. Прикосновение было на три точки более деликатным, чем молочные леденцы. Наблюдая за его пальцем всю ночь, он «случайно» укусил его.

Сигарета выпала сквозь щель между его пальцами и зубами. Ся Циншу немного смутился, осторожно напомнил он.

«Брат Чжиюй, ты укусил меня за палец».

Чэнь Чжюй был немного в трансе; он, казалось, не слышал, что сказал другой собеседник. Вместо этого он укусил еще сильнее. Ся Циншу замер, не двигаясь.

Брат Чжюй, он онемел от боли? Раньше он смотрел телевизор; когда беременная женщина рожала и боль была невыносимой, муж держал его за руку, чтобы беременная женщина могла укусить ее, чтобы облегчить боль.

Брат Чжюй теперь сбит с толку болью? Если брат Чжюй хочет укусить, пусть просто укусит.

Ся Циншу немного боится боли. Когда зубы собеседника коснулись кончика его пальца, его тело не могло не задрожать, а глаза наполнились еще большим количеством воды. Ожидаемой боли не появилось, так как его пальцы были укушены и перетерты. Время от времени он чувствовал приближение влажного кончика языка. Просто зудело, совсем не больно.

Ся Циншу посмотрел на него с тупым, наивным лицом. Брату Чжюю было так больно, что он даже потерял способность кусаться?

Медсестра рядом с ним не могла больше смотреть и несколько раз кашлянула, прежде чем Чэнь Чжюй пришел в себя и выплюнул палец из рта. Круглые кончики пальцев покраснели, а ногтевые пластины были розовыми и блестящими, покрытыми слоем слюны, как будто их только что накрашили лаком для ногтей.

Ся Циншу взглянул на мокрый палец и тихонько вытер слюну об одежду Чэнь Чжюя, когда он опустился на колени, чтобы взять сигарету. Он поднял оброненную сигарету; сигаретный фильтр покрылся черным пеплом. Он вытер его рукой, но он все еще не был чистым, и снова продул фильтр ртом. Его маленький красный рот скривился, и он дунул воздухом в фильтр сигареты. Золу сдули, а желтый фильтр пропитался другим ароматом.

Ся Циншу засунул сигарету обратно в рот Чэнь Чжюя. Чэнь Чжюй открыл рот и взял сигарету. На этот раз он не укусил палец.

После того, как он взял сигарету, боль в ноге Чэнь Чжюя, казалось, уменьшилась на два пункта.

Циншу осторожно распахнул одеяло, закрывающее ногу Чэнь Чжюя, и снова полез в карман брюк, чтобы найти зажигалку. Как только он это сделал, Чэнь Чжюй зашипел, и его лицо снова стало холодным.

— Прости... я не хотел. Когда Ся Циншу услышал его «шипение», он поспешно убрал руку и пошел звать медсестру с красным лицом: «Мисс медсестра, пожалуйста, подойдите и проверьте».

Медсестра села впереди и посмотрела на них обоих.

Только что ты облизывал пальцы, не показывая ничего серьезного.

"Положи там. Скоро будем в больнице, курить в машине нельзя».

Ся Циншу прошептал: «Мисс медсестра, мой брат такой. Можете ли вы быть немного более любезной?»

«Через некоторое время это перестанет болеть. Его нога сломана. Почему он все еще курит?» Медсестра уставилась на сигарету в руке Ся Циншу: «Кроме того, в больнице нельзя курить».

Ся Циншу собирался сказать больше, когда Чэнь Чжуй взял сигарету и сунул ее в руку: «Забудь об этом, я могу выкурить ее, когда выздоровею».

«Но тебе так неудобно, выкури одну, чтобы отвлечься...» Ся Циншу швырнул сигарету одной рукой и сжал зажигалку другой, неосознанно используя почтение.

После того, как он переселился, он всегда жил с игровым менталитетом: обходился без дынь и смотрел шоу. Он не чувствовал себя так глубоко из-за личности, которую он внезапно приобрел. Он думал, что был сторонним наблюдателем и однажды уйдет. Может быть, он прочитает несколько книг и однажды снова переселится.

Только когда пришла опасность, он остро осознал реальность мира, в котором находился. Это мир живых людей, где люди сделаны из плоти и крови. Они могут быть хорошими и плохими, ранеными и истекающими кровью, плачущими и смеющимися. Он всегда думал о Чэнь Чжуйе как о жестоком злодее, предубежденном против него и всегда настороже, но его спас «плохой парень» из книги.

В их отношениях, за исключением первой встречи, когда Чэнь Чжуй проявил к нему враждебность, Чэнь Чжуй всегда был обычным человеком с четкими симпатиями и антипатиями. Только что у него была иллюзия возвращения в первоначальный мир через смерть, поэтому, если бы его ударили, он действительно был бы мертв, верно?

Подумав об этом, Ся Циншу стало стыдно за свои глупые мысли, и в то же время он был так тронут действиями другой стороны, что неосознанно покраснел. Две дорожки слез скатились по уголкам его глаз. Раньше он редко плакал по-настоящему, но не знал, что произошло недавно. Его вкусы изменились, его обоняние стало более острым, его эмоции стали более обильными, и он был особенно сонным.

Он хотел повернуть голову и тайком вытереть слезы, но Чэнь Чжуй дернул его за руку: «Почему ты снова плачешь? Тебя случайно не ударил столб? Давай поедem позже в больницу для детального осмотра».

«Нет, я не плачу...» Ся Циншу стабилизировал свой разум и заставил оставшиеся слезы

остаться в его глазах. Маленькое белое личико было покрыто пеплом, а глаза были красными и наполнены слезами, которые никак не хотели стекать. Он закусил губу с притворной силой. Однако такое выражение не имело ничего общего с силой, что особенно мило его выделяло.

Чэнь Чжюй взглянул на красивого упрямого маленького кота перед ним и, к удивлению, не понял, что его голос был слишком нежным, чтобы быть точным : «Не плачь, я в порядке. Будь хорошим.»

"Я не плачу." Ся Циншу был так взволнован, что слезы начали неудержимо течь. Блестящая белая и полупрозрачная слеза скатилась по его щеке и шее до самой ключицы, оставив ее в глубокой впадине. На его лице были какие-то красные отметины, должно быть, от вытирания слез, прямо на обеих щеках, и все его мокрое лицо казалось напудренным, нежным, как красно-белый гибискус, вытщенный из воды.

«Я действительно не плачу.....»

Ся Циншу тоже не знал, в чем причина, он изо всех сил пытался контролировать их, но слезы все еще не могли перестать капать.

Что с ним не так?

Может быть, это была обида на то, что он внезапно переселился в книгу, обида на то, что он был папой в первый же день, когда он попал в книгу. Недовольство встречей с крайними родственниками и травлей в школе. Наконец, он не может с этим поделать...

«Я не буду плакать...» С заплаканным лицом сказал Ся Циншу, позволив им течь вниз.

Он выглядел ярким, с красными глазами и поджимал губы от слез, как упрямый эльф. Чэнь Чжюй был ошеломлен, когда вдруг вспомнил, где уже видел эту сцену раньше.

В ту ночь, когда они впервые встретились, Ся Циншу тоже плакал. Не тихими слезами, как сейчас, а мелкими всхлипами. Время от времени он даже хрипло умолял о пощаде. Но теперь Ся Циншу тихо плачет. Очевидно, он не издал ни звука. Этот надоедливый «хныкающий» звук снова эхом отдался в его ушах.

"..... Пожалуйста....."

«..... Оооооо.....»

"Это больно....."

Пропавшие воспоминания, переплетенные с необоснованными фантазиями, казалось, что у

Чэнь Чжиюя были галлюцинации.

В машине никто не говорил, только свист ветра и сирены скорой помощи. Самообладание, которое когда-то доминировало в толпе, в этот момент отсутствовало. Чтобы избежать смущения, Чэнь Чжиюй протянул руку и коснулся раненой ноги.

Жесткое сжатие.

Пронизывающая до костей боль распространилась по всему телу, а с головы выступил холодный пот. Наконец, он не потерял самообладания.

Увидев, как лицо Чэнь Чжиюя на какое-то время посинело и покраснело, Ся Циншу снова напрягся: «Брат Чжиюй, что случилось? Все еще болит?»

Он присел на корточки и положил руки на больничную койку. Боясь, что его плохо услышат, он отвернулся и придвинулся ближе к Чэнь Чжиюю.

Чэнь Чжиюй поднял глаза и увидел его крошечные, тонкие, белые, чистые уши.

«Брат Чжиюй, говори громче; Я плохо слышу.....»

Не услышав ответа от собеседника, Ся Циншу скривился и в замешательстве посмотрел на Чэнь Чжиюя.

Чэнь Чжиюй выпрямился и встретил пару покрасневших заплаканных глаз. Под мерцанием глаз он скрывал свою глубокую любовь.

То, как выплескивались истинные чувства малыша, заставляло сердце человека смягчаться до глубины души. На него навалилась гора шока. Мальчик, такой красивый и воспитанный, был глубоко влюблен в него...

Чэнь Чжиюй внезапно погрузился в свои мысли; он повернул голову и закрыл глаза, прежде чем почувствовал, что его дыхание выровнялось. Но плач Ся Циншу играл как вращающийся свет в петле под его глазами между одним вздохом и другим.

Он стиснул зубы и снова стиснул больную ногу.

Маленькая медсестра рядом с ним посмотрела на него и тайком причмокнула. Она не могла себе представить, что самый богатый человек в Китае был тайно «М». Он не мог быть доволен тем, что его нога разбита и сломана. Ему даже пришлось несколько раз незаметно ущипнуть себя.

□

Наконец слезы Ся Циншу остановились, и он дрожащим голосом спросил: «Брат Чжияй, тебе лучше?»

Чэнь Чжияй снова упал после нескольких уколов ненависти, и у него не было времени для беспокойства. Старая рана еще не зажила, а к ней прибавилась новая.

Он спокойно сказал: «Я знаю в глубине души, я думаю, что это перелом кости».

«Перелом кости» вырвалось у него изо рта так же быстро, как и ноготь. Он был Чэнь Чжияем, и с самого рождения ему было суждено плыть по волнам и преодолевать трудности. Сломанная кость ничего не значит. Даже если это ампутация, это просто вопрос выкуривания сигаретой.

Он наклонил голову и попытался избежать взгляда Ся Циншу, когда говорил.

— Кости треснули, а ты еще в порядке? Ся Циншу напряг свое маленькое розовое лицо с широко открытыми глазами.

«Почему ты как ребенок? Ты не можешь перестать плакать, когда начинаешь». — сказал Чэнь Чжияй и уже собирался потянуться к салфетке на табурете, чтобы доказать, что он в порядке и может с легкостью справиться с этим.

— Угу, не двигайся. Я сделаю это сам». Ся Циншу не мог позволить раненому сделать это, поспешно взял салфетку и вытер слезы с лица.

Вытерев их, он снова подчеркнул: «Я не плачу».

Чэнь Чжияй снова лег на спину: «Почему ты все еще используешь почтительные выражения?»

— Я просто чувствую, что должен уважать тебя.

Думая о том, чтобы прикинуться глупцом перед Чжияем, Ся Циншу не мог не покраснеть: «Если тебе что-нибудь понадобится в будущем, просто скажи мне».

Изначально Ся Циншу хотел сказать: «Я отплачу тебе за спасение моей жизни. Отныне ты будешь моим новым родителем», но между ними всего шесть лет разницы, так что относиться к нему как к родителю не совсем имело смысл. Если оставить в стороне то, что произошло в ночь их первой встречи, Ся Циншу почувствовал, что Чэнь Чжияй был довольно хорошим человеком. Просто думайте о нем как об очень уважительном старшем брате.

«Значит, ты стал звать меня... Брат Чжияю сейчас?»

«Мм-хм». Ся Циншу кивнул головой.

«Позови меня Я хочу это услышать». — прошептал Чэнь Чжияю.

Его голос был немного приглушен, и он намеренно регулировал громкость так, чтобы только Ся Циншу мог его услышать. Медсестра, которая была очень близко к ним, не заметила. Было ощущение тайны в маленьком отделении скорой помощи от шепота за спинами людей, как будто у этих двоих были интимные отношения.

Ся Циншу: «...»

Красивые глаза закатились и посмотрели на голову Чэнь Чжияю. Надо убедиться, что другой человек не ударился головой. Почему в глазах брата Чжияю было что-то странное? Может ли жидкий настой иметь галлюциногенный эффект? Но другая сторона была пациентом и также он спас ему жизнь, поэтому Ся Циншу не колебался и кротко крикнул: «Брат Чжияю».

В отличие от того, как он вел себя в прошлом, Ся Циншу честно вел себя хорошо, как ручная маленькая овечка. Он был красив, и когда он смотрел на людей, его глаза были полны звезд. Его отношение было серьезным и благочестивым. Вблизи его белоснежная кожа больше похожа на молочную ириску. Молочно-белая и изнеженная маленькая овечка.

Рука Чэнь Чжияю, спрятанная под простыней, сжалась: «Брат Чжияю просит тебя сначала поехать домой, а завтра вернуться, чтобы позаботиться обо мне».

Ребенок упрям в обращении со своими чувствами, и даже восемь лошадей не могут оттащить его от задуманного.

Он спокойно относился к своим поклонникам и даже намеренно избегал их. Ся Циншу был единственным. Каким-то образом он мог терпеть симпатии Ся Циншу и иногда даже обретал душевное спокойствие, когда думал об этом.

Чэнь Чжияю наклонил лицо вбок и слабо посмотрел на Ся Циншу. Глаза Ся Циншу ничего не могли скрыть, и он горячо показывал свою решимость остаться с ним и отказывался уйти, даже если это его убьет. Зная, что Ся Циншу он безумно нравится, но не показывал этого так явно.

Тск, этот ребенок.

"Я не уйду." Ся Циншу сказал: «Если ты захочешь воду ночью или что-то в этом роде, я буду здесь, чтобы позаботиться о тебе».

— В больнице есть медсестры.

— Медсестры невнимательны, и я боюсь, что они тебя уронят.

Он вырос в больнице, и когда его мать снималась, она отсутствовала месяцами, и отец привозил его в больницу. Иногда не было времени ухаживать за ним, когда было много операций, поэтому он бежал в палату, когда ему было скучно. А некоторые сиделки так много спали по ночам, что не могли проснуться после полдня криков, а некоторые больные были настолько тонкокожими, что терпели боль всю ночь.

В книге смерть исходного тела имела непосредственное отношение к Чэнь Чжиюю, но реальность такова, что Чэнь Чжиюй вытащил его из грани смерти. Возможно, из-за эффекта подвешенного моста эмоции Ся Циншу в тот момент были немного взволнованы. Тем не менее, его сердце было твердо, чтобы отплатить за услугу.

Чэнь Чжиюй не знал о мыслях Ся Циншу, но чувствовал, что этот ребенок упрям и не слушает его. Он был почти в больнице, жидкости почти влились, боль в ногах почти прошла, напряженные нервы расслабились, восстановилось врожденное и гордое самообладание.

Он сказал: «В палате нет кровати. Где ты тогда будешь спать?»

Ся Циншу немедленно ответил: «В палате есть раскладушка. я буду спать рядом с тобой; ты увидишь меня, когда посмотришь вниз, и разбудишь меня своим криком».

Теперь он думает о том, чтобы спать рядом с ним.

Чэнь Чжиюй серьезно спросил: «Ты, кажется, довольно опытен, ты не делал этого... раньше, не так ли?»

Ся Циншу поспешно покачал головой: «Никогда не спал ни с кем другим».

Чэнь Чжиюй пронесся мимо медсестры, которая общалась с коллегой. Они были почти в больнице. Он скривил губы и спросил: «Значит, сегодня твой «первый раз»?»

— Угу, да, — кивнул Ся Циншу. Он интуитивно чувствовал, что в брате Чжиюе было что-то странное, и не мог понять, что именно. В конце концов, он пришел к выводу, что у любого мужчины, получающего стипендию клуба добродетели, должен быть компаньон у постели, который должен был впервые сопровождать у постели больного.

Что ж, это будет соответствовать персоне.

Ся Циншу быстро объяснил: «Когда меня в прошлый раз госпитализировали, я не знал, пока не

увидел рядом с собой кровать для сопровождения. Эту раскладушку днем убирают, а на ночь ставят рядом с больничной койкой. Очень удобно ухаживать за больными. Я никогда не был с другими. Ты первый».

«Если тебе понадобится вода или что-то еще посреди ночи, просто позови меня».

Это был первый раз, когда Чэнь Чжюй видел его таким послушным: «Тогда, если я захочу сходить в туалет ночью, я тоже позову тебя?»

Ся Циншу твердо кивнул: «Позови меня!»

<http://bllate.org/book/14982/1325569>